

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМЬЕ В. Д. ФЁДОРОВА

Ульяна Наумовна – мать семейства Фёдоровых – была мудрой женщиной. Это проявлялось во всём. Все в семье уважали старших по возрасту и почитали свою мать. Она часто приезжала к нам в гости. Когда мы с братом Борисом были маленькими, баба Уля привозила нам гостинцы. В чистой тряпочке были завернуты конфетки-подушечки и печенюшки. Одета она была по-деревенски, хотя давно жила в Новосибирске. Два платка на голове, блузка с кофтой и почему-то две юбки до пят. Руки у неё были красивые, как у всех её детей. Когда бабушка пила чай или что-нибудь ела, то мизинец оттопыривала в сторону, как барыня. Жила она у дочери Татьяны. Третий член этой квартиры – Нина, дочь Татьяны. Ей было уже за тридцать, замуж не выходила. Подругу её звали тоже Нина. И тоже не замужем. Баба Уля очень осторожно называла их «пожилые девушки».

Она родила тринадцать детей, но не все дети выжили. Седьмым ребёнком в семье был Василий. Когда они жили в Марьевке, однажды Вася сильно заболел. Ульяна Наумовна положила его на сани и повезла в больницу. Уезжая, сказала: «Если доведу – Бог есть!» Но в пути сын умер. После этого в Бога она не верила. А девятого по счёту ребёнка назвала опять Василием.

Всю свою жизнь она ждала сына Андрея, которого арестовали в тридцатых годах. Её дети знали об его трагической судьбе, но не хотели расстраивать мать. Бабушка умерла в 1963 году, скоропостижно, на восемьдесят первом году жизни.

Старший сын Андрей – серьёзный, партийный человек – был одним из организаторов партийной ячейки в деревне Марьевка. Он был расстрелян в тридцатые годы. Его дочь Галина Андреевна Фёдорова жила в Абакане и преподавала русский язык и литературу в школе. Когда я училась в 8-м классе, мы списались с ней, но долго эта переписка не продлилась – слишком большая разница в возрасте.

Вторым после Андрея был Пётр. Он, как и Андрей, активно участвовал в жизни деревни. Состоял в партии. Ему очень не повезло – он умер в молодом возрасте от аппендицита.

Я не знаю, где жила или живёт его старшая дочь Татьяна, а вот младшая, Аида Петровна Фёдорова, живёт в Красноярске. Она поэтесса, печатается. У Аиды двое взрослых детей: сын и дочь.

Татьяна Дмитриевна – старшая из сестёр, доживших до взрослого возраста. Она была общественной. Впоследствии в Новосибирске работала в завкоме известной швейной фабрики «Северянка». Её дочь Нина тоже работала на этой фабрике, в качестве инструктора по физкультуре. Нина серьёзно занималась лыжами, застудила почки. Одну почку ей удалили, поэтому детей она иметь не могла. Она каждый год ездила лечиться в Ялту, к тёте Тоне, Антонине Дмитриевне.

У Нины была очень длинная коса – до края подола, а платья она носила до колен. Нина корзинкой укладывала косу на голове. Один раз к ней подошёл молодой человек и сказал, что очень заметно, что коса не её. Цвет волос ото лба к затылку отличался от цвета косы. Она поблагодарила его, а надо бы было вынуть шпильки.

Тётя Тоня по сути своей была дипломатом: она объединяла всю большую семью Фёдоровых. Все родные, приезжающие в Новосибирск, останавливались у неё так же, как раньше у моих родителей.

Антонина Дмитриевна Фёдорова была ещё совсем молодая, когда заболела туберкулёзом. Она была отправлена на лечение в Ялту, в санаторий. Вылечившись, она выучилась на медсестру и осталась жить в Ялте. Но почти каждое лето сдавала свою комнатку отдыхающим и приезжала в Марьевку. Здесь она наслаждалась чистотой воды в реке Яя и почти не тронутым человеческой ногой песком на берегу. Лежит, бывало, на песочке и потихоньку напеваёт: «Далеко-далеко, где кочуют туманы, где от лёгкого ветра колыхнется рожь...»

Она была весёлым, неунывающим человеком. Однажды во время войны Тоня приехала к нам. Мой отец работал на авиационном заводе и неделями не выходил из цеха. Тётка попросила отца посидеть со мной и братом дома. Якобы они с мамой собираются в кино, на вечерний сеанс. На самом же деле она повела маму на танцы. Отец просто негодовал, узнав об этом. А если учесть, что мама, когда вынашивала меня, ходила в госпиталь помогать ухаживать за ранеными бойцами, то родилась я очень голосистой.

Иван Дмитриевич Фёдоров, мой отец, был весёлым и остроумным человеком. С мамой они познакомились в Авиационном техникуме – учились в одной группе. Он полюбил её, а она встречалась с другим парнем. Отец, когда мама отправилась гулять с Лёней – так звали её молодого человека, устроил на них нападение. Подговорил своих товарищей. Как только это случилось – Лёня убежал, оставив маму один на один с «бандитами». Зато

папа выскочил из кустов и «спас» маму. Таким образом судьба её дальнейшая была решена. Она чётко поняла: Лёня – трус, а Ваня отчаянно смелый.

Мы с братом Борисом уже учились в школе, когда отец экстерном окончил педагогический институт и стал работать в школе учителем истории и обществоведения. Очень скоро вырос до директора школы, зав. районо, снова работал директором.

Когда он шёл на совещания директоров школ и заведующих районо и гороно, то обязательно сочинял басни. Во время совещаний, как обычно, в зале все шушукались, но когда слово давали Ивану Дмитриевичу Фёдорову, становилось тихо. Все с интересом ждали очередную басню. Во время выступления отца в зале стоял хохот. Ни для кого не было секретом, какая зверушка с кем отождествляется. Но примерно через неделю отец приходил домой и смущённо улыбался. Мама безошибочно угадывала: «Что, опять?» Да, партия опять посылала борца за справедливость на более ответственный объект, с той же зарплатой. Так что каждые четыре года у него было новое место работы.

Мы, дети, никогда не слышали, чтобы родители ругались. Как-то Ульяна Наумовна, будучи у нас в гостях, спрашивает маму: «Люся, а почему вы с Ваней не ругаетесь?!» Мама ответила, что они только что поругались, но никто этого не слышал.

Когда родители поженились, то вся женская половина семьи Фёдоровых не одобрила его выбор: маленькая, худенькая, не фигуристая... Но когда женились все братья, Ульяна Наумовна сказала: «Люся, ты – лучшая».

У отца совсем не было музыкального слуха, однако он любил петь. Затянет песню на каком-нибудь празднике – все подхватят, но очень быстро умолкали, так как не узнавали мелодию знакомой песни. Голос у отца был сильный – он и один мог допеть эту песню.

Папа и дядя Вася (Василий Дмитриевич Фёдоров) внешне очень походили друг на друга. Однажды в техникуме была встреча старых выпускников. Родители ушли на этот вечер. Я была дома, смотрела телевизор. В новостях сообщали об этом вечере и сказали, что приехал на встречу Василий Фёдоров.

Когда родители пришли домой, я спросила: «И дядя Вася был?». Отец даже закричал: «И ты туда же!» Потому как дядя тоже оканчивал этот техникум, то были его бывшие однокурсники. Как только родители вошли в фойе техникума, отца обступили незнакомые пожилые люди, и тут началось: «Ты меня помнишь?» Поздравляли с получением Госу-

дарственной премии. Отец пытался доказать, что он не Василий, а Иван. Но ему не верили... Когда папа умер, мама нашла в своей сумочке свёрнутый вчетверо листок – это были папины стихи – объяснение маме в любви. В 70 лет!

Мой брат, Борис Иванович Фёдоров, тоже окончил авиационный техникум. Стал работать в закрытом НИИ. Выполнял инженерную работу, а платили ему как технику. Рассердился и окончил институт. В 35 лет был назначен директором радиозавода на Урале, в Касли. Потом стал мэром этого города. Его направили в обком партии в Челябинск в то время, когда советская власть уступила место дикому капитализму. У брата сын – Виктор Борисович Фёдоров, мой племянник. Он написал много научных работ. Его сыновья: Артём и Максим. Один студент, другой школьник. Мой брат умер в 2009 году от инфаркта, ровно в 70 лет, как и отец.

Зинаида Дмитриевна Алянчикова (Фёдорова) осталась с двумя дочерьми, когда погиб на фронте её муж. Тётя Зина уехала на Дальний Восток, участвовала в строительстве Комсомольска-на-Амуре. Позже она работала секретарём в крайкоме партии. Вышла замуж за Алянчикова Николая Андреевича. Родила двух сыновей: Николая и Владимира. Эльвира и Галина – дочери от первого брака. Большая семья жила в Хабаровске. Да и сейчас мои двоюродные живут там. Я была у них, когда в 1966 году после окончания института летела по направлению во Владивосток. Тётку я тогда не видела – она была на рыбалке. Встретились мы в 1989 году в Хабаровске. Мой старший сын проходил там службу в армии и по окончании её женился на местной девушке. Вот я и прилетела на его свадьбу. Там сын и остался жить – у него взрослая дочь Евгения.

Василий Дмитриевич Фёдоров сам много написал о себе автобиографий. Мои детские воспоминания о нём: красивый, высокий, стройный, с пышной русой шевелюрой. Он о чём-то разговаривал со мной, брал на руки, и мне это очень нравилось. Из всех братьев дядя Вася явно выделял моего отца за то, что он выступал в роли домашнего критика. У них так повелось ещё с юности. Отец, как старший брат тоже пишущий стихи, пользовался его особым отношением. Иногда помогал в сложении стихов, но всё это было до того, как дядя окончил литературный институт. Они переписывались, а когда встречались, дядя читал отцу свои стихи, посвящал его в свои планы относительно творчества. Василий Дмитриевич не любил выступать на телевидении, но иногда ему приходилось это делать. Как-то

к ним в гости в Москву приехала тётя Тоня. Они с женой Василия Дмитриевича Ларисой принялись стряпать пирожки, а дядя ушёл на телестудию. Тётки нашли где-то кудрявые парики и отправились за дядей. Он не хотел, чтобы кто-то из родни там присутствовал, так как он терялся. Они зашли в студию, сели в зале. Дядя Вася хорошо говорил, но, когда его взгляд упал в зал, стал путаться. Тогда тётки бегом вернулись домой, к пирожкам. Когда дядюшка вернулся домой, они как ни в чём ни бывало стали задавать вопросы:

– Как прошла запись?

– Всё было нормально, пока я не заметил в зале двух «болонок»...

Иннокентий Дмитриевич Фёдоров. Он воевал – был танкистом. Получил на фронте контузию, которая впоследствии отразилась губительно на его здоровье, умер в 56 лет от рака. Дядя Кеша работал снабженцем на заводе. И он тоже писал стихи. Им была написана поэма о войне, которую он показывал отцу. Его жена умерла на следующий год от заражения крови. Два взрослых сына остались у них – Пётр и Николай, у каждого подрастают дочери, у каждого по одной.

Григорий Дмитриевич Фёдоров – последний, тринадцатый ребёнок Ульяны Наумовны. Его называли поскрёбыш. Он рос довольно шустрим и не очень серьёзным мальчиком. Когда семья жила в деревне, Ульяна Наумовна часто томила молоко в русской печке и ставила его в крынках в подполье. Она стала замечать, что пенка из крынок пропадает. Она решила поймать воришку. И тогда положила

в одну из крынок сверху розовую тряпочку. Результатом пришлось ждать недолго. Дядя Гриша вылезает из подпола, а в зубах у него... тряпочка. «Ещё мать называется!» – не удержался он от упрёка. «Ах ты, лешак!» – приласкала его бабушка полотенцем. Умер он в свой день рождения – в 60 лет.

Я, Петракевич Ольга Ивановна, родилась в январе 1943 года. Помню, как мама завешивала окна плотной чёрной бумагой во время воздушных тревог. Жили мы в Новосибирске, в соцгородке Чкаловского завода. Сейчас это улица Авиастроителей. Помню, как палили пушки 9 мая 1945 года в честь Победы. Помню, как какая-то девочка ходила по картошке, посаженной под нашими окнами, а я грозила ей кулаком. Нельзя ходить по картошке! Когда мне исполнилось три года, отцу дали отдельную квартиру, и мы переехали на противоположную сторону улицы. Всё детство прошло во дворе дома. Игрушек у нас не было, но было очень много игр – за целый день не успевали их переиграть. В 1950 году пошла в школу. Окончила её в 1960-м с хорошими оценками и поступила в Новосибирский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева, на архитектурный факультет. Окончив его, в 1966 году поехала по распределению во Владивосток. Через три года вернулась в Новосибирск. Работала на двух заводах по промышленной эстетике. У меня три сына: Сергей, Аркадий и Захар. У каждого из них по дочке. Мои внучки – Евгения, Ульяна и Варенька.

Ольга ПЕТРАКЕВИЧ (ФЁДОРОВА),

г. Новосибирск

